верженцам арабо-православной традиции, одновременно предоставив к ним доступ всем интересующимся. Решение же вопроса репрезентативности, видимо, станет возможным тогда, когда будут опубликованы еще несколько десятков томов, подобных рассматриваемому в этой рецензии.

К числу технических недостатков издания следует отнести именной указатель, не учитывающий множества весьма значимых для исследователя имен из обширного (pp. 277–349) раздела примечаний. Найти их можно лишь в результате сплошного прочтения данного раздела, набранного к тому же мелким шрифтом. Это обстоятельство резко снижает справочную полезность книги. Впрочем, конверсия книги в электронный формат (на момент написания рецензии издателем предусмотрено предоставление читателям этой книги в формате *Kindle*) проблему решает — поиск в этом случае становится возможным осуществлять автоматически.

Н. Селезнев

Beaumont, Justin and Baker, Christopher (eds) (2011) *Postsecular Cities: Space, Theory and Practice*. London: Continuum. — 276 p.

В последнее время все чаще предметом обсуждения становится возрастающая роль религии в западных обществах. Это связано в первую очередь с изменениями, которые происходят в самих этих обществах. Здесь можно выделить три основных фактора. Во-первых, возросшая социальная мобильность и главным образом миграция в западные страны носителей иных культур и вероисповеданий, что приводит к культурной и религиозной плюрализации. Во-вторых, активизация социальной деятельности религиозных организаций, которая стимулируется институциональными изменениями в административном управлении некоторых европейских стран[1]. Эти изменения заключаются в передаче полномочий «на места», т. е. администрациям более низкого уровня, а также в передаче функций по оказанию социальных услуг негосударственным организациям, среди которых свою нишу занимают и религиозные организации. Причем нередко роль последних весьма значительна: к примеру, как от-

1. В частности, в рецензируемой работе речь идет о Великобритании и Голландии.

мечают некоторые авторы рецензируемой книги, такая организация, как «Армия спасения», является одним из крупнейших благотворителей в Великобритании, а также крупным деятелем в сфере предоставления приюта для большинства уязвимых групп в Амстердаме[2]. Наконец, третий фактор — рост религиозно окрашенного терроризма, который связывают с фундаменталистскими группами.

Как отмечают редакторы книги, это привело к тому, что «XXI век развивается по сценарию, альтернативному сценарию века XX, который, будучи веком человеческой рациональности и технологического прогресса... поставил общественную и культурную значимость религии под вопрос. В нынешнем же веке, напротив, религиозные сообщества и духовные ценности вернулись в центр общественной жизни, и особенно это касается государственной политики, управления и социальной идентичности».

Вышеперечисленные социальные изменения привели к возникновению термина «постсекулярный», который используется для обозначения общественных изменений с учетом религиозного фактора. Данный термин активно использует Юрген Хабермас. Так, он говорит о необходимости постсекулярного самопонимания общества, поскольку «нужно считаться с активным продолжением существования религии в среде, которая становится все более секулярной»[3]. Согласно Хабермасу, государство призвано оставаться секулярным, однако секулярность не должна распространяться на общественную сферу, в которой заметную роль играют религиозные акторы. При этом последние могут использовать свойственный им религиозный язык и даже вправе ожидать, что остальные участники общественной дискуссии окажут им содействие в деле перевода религиозных убеждений на общедоступный секулярный язык[4]. Таким образом, речь идет о диалоге между «религиозными» и «секулярными» общественными акторами.

Именно эту концепцию «постсекулярного» используют редакторы рецензируемой книги Джастин Бомон и Крис Бейкер. Научные интересы Д. Бомона (Университет Гронингена, Нидерланды) лежат в сфере го-

2. В зависимости от контекста в качестве уязвимых групп могут рассматриваться дети, женщины, инвалиды, пенсионеры, ветераны, мигранты и др. группы населения.

3. Habermas, J. (2005) «Equal Treatment of Cultures and the Limits of Postmodern Liberalism», *The Journal of Political Philosophy* 13 (1): 26.

4. Habermas, J. (2006) «Religion in the Public Sphere», *European Journal of Philosophy* 14: 9–10.

родской политики; в частности, его интересуют вопросы социальной справедливости и роли религиозных организаций в городах. К. Бейкер (Университет Честера, Великобритания) занимается религиозным измерением городского пространства, политики и гражданского общества. Рассматриваемая книга представляет собой сборник статей, большая часть которых написана авторами из Великобритании. В сборнике с разных позиций и на различном материале рассматривается роль религии в общественном и городском пространствах, но при этом — в общей перспективе, заданной концепцией «постсекулярного». Ниже будут кратко представлены наиболее интересные тексты.

Рахиль Чапмен и Лейла Хамалайнен в своей статье утверждают, что религия является важным фактором гражданской активности и волонтерства в Великобритании. В то же время не стоит и переоценивать роль религии, так как, во-первых, на гражданскую активность и волонтерство оказывает влияние не номинальная принадлежность к той или иной религии, а религиозная практика; во-вторых же, религиозный фактор в данном случае не является единственным, так как не меньшее влияние оказывают уровень образования или обладание собственностью.

Авторы выделяют четыре основных мотива участия в социальной деятельности «через» религиозные организации[5]. Во-первых, это желание помочь другим: к заботе о ближнем призывают многие религии, и посредством участия в деятельности религиозных организаций люди пытаются претворить этот призыв в жизнь. Также бывают случаи, когда некое сообщество[6] оказывает помощь человеку (к примеру, помогает преодолеть жизненные трудности), и у того возникает желание сделать что-то подобное в ответ. Кто-то начинает участвовать в деятельности религиозных организаций на определенном этапе своей жизни (например, после выхода на пенсию) или когда просто появляется свободное время (например, в процессе поиска работы[7]). Наконец, некоторые люди участвуют в со-

5. В английском тексте делается различение между *faith organizations* и *religious organizations*. В данной статье эти понятия используются как синонимы и переведены как «религиозные организации».
6. Из английского текста не всегда ясно, когда под словом *community* понимается религиозная община, когда светская ассоциация, а когда «сообщество» в более широком смысле (поселка или города). В данном случае имеется в виду община.
7. В европейских странах считается полезным добавить в резюме опыт волонтерства, так как подобный опыт повышает шансы соискателя на получение желаемой должности.

циальной деятельности религиозных организаций с целью личностного роста или же исходя из желания что-либо изменить в обществе. Как показывают авторы, невозможно провести четкое разделение между «религиозными» и «секулярными» мотивами участников: они всегда сложно переплетены, и даже когда «религиозный» мотив главенствует, он не является единственным. Точно так же весьма условным оказывается деление организаций на «секулярные» и «религиозные».

В статье также приведена иллюстрация той «нагрузки», которая ложится на религиозных граждан в связи с необходимостью перевода своей религиозной аргументации на секулярный язык[8]. Некоторые из опрошенных представителей религиозных организаций говорили, что в «секулярном» контексте (например, на деловых встречах) им приходится быть осторожными в использовании религиозных терминов или даже избегать их из-за опасения «звучать странно»[9].

Нинке де Витте размышляет о феномене постсекулярного, рассматривая политику властей Амстердама в отношении финансирования религиозных организаций. Автор использует подход И. Далферта, согласно которому в качестве постсекулярного целесообразно рассматривать не столько общество в целом, сколько государство и его политическую систему (именно оно является «локусом» постсекулярности). Далферт дает довольно интересную типологию государств по признаку их отношения к религии. Так, секулярное государство занимает нейтральную позицию в религиозных и нерелигиозных вопросах. Оно относится к гражданам одинаково, независимо от их убеждений, то есть не поддерживает какую-либо религию или «нерелигию» и не противостоит им, законодательно воспрещая себе вмешательство в религиозную жизнь граждан. Эта нейтральность является декларируемой позицией государства. Постсекулярное государство также не позиционирует себя как религиозное или нерелигиозное, но при этом и не провозглашает нейтральность по отношению к религии, будучи к ней индифферентным. Согласно Далферту,

8. О такой «нагрузке» часто говорит Ю. Хабермас. Например: Habermas, J. «Religion in the Public Sphere», pp. 13–16.

9. Примером участия в общественной дискуссии могут служить встречи представителей религиозных организаций с представителями органов власти или некоммерческих организаций, контакты со СМИ и проч., то есть ситуации, когда необходимо выразить позицию религиозной организации в общественном пространстве.

в обществе может быть множество религий или «нерелигий», однако в постсекулярном государстве отсутствует необходимость занимать по отношению к ним какую-либо определенную позицию (даже нейтральную).

Далее де Витте иллюстрирует нейтральность администрации Амстердама в вопросе финансирования религиозных организаций. Администрация может осуществлять адресное финансирование тех или иных религиозных групп ввиду их уязвимого положения сейчас или в прошлом (примером служит поддержка мусульманских организаций), или же придерживаться инструментального подхода, финансируя религиозные группы ради выполнения ими необходимой городу социальной функции (к примеру, деятельности по интеграции мигрантов). С одной стороны, позиция властей Амстердама не «вписывается» в концепцию постсекулярного государства Далферта, поскольку городские власти все же декларируют определенное отношение к религии; а с другой стороны, эта позиция не является единственной, что более созвучно идее постсекулярного государства.

Автор приходит к выводу, что постсекулярное государство определяет свою позицию, касающуюся поддержки религиозных организаций, не на основании общего отношения к религии, а исходя из конкретных политических интересов. Поскольку эти интересы со временем меняются, с ними меняется и характер взаимодействия органов власти с религиозными организациями, в том числе и их государственная поддержка. Тем самым, считает автор, говорить о моделях отношений государства и религии в постсекулярном государстве не имеет смысла.

Робби Б. Х. Гох в своей статье рассматривает вопрос о соотношении религии и бизнеса и предлагает весьма яркую его иллюстрацию. Начинает он с «протестантской этики и духа капитализма» М. Вебера, то есть со стремления зарабатывать деньги, идеализации аскетизма и формирования рыночной идеологии внутри церкви. Далее автор утверждает, что некоторые современные церкви настолько «впитали» в себя этот «капиталистический дух» и принципы рынка, что «аскетизм» М. Вебера был отброшен ими на второй план. Такие церкви функционируют как бизнес-корпорации; они имеют множественные источники дохода, а церковные лидеры руководят многомиллионными предприятиями и предпочитают называть себя не только пасторами, но и генеральными директорами (CEO). Автор приводит в пример мега-церковь *Hillsong Church* в Австралии, которая владеет музыкаль-

ным брендом и огромной торговой индустрией, занимается торговлей *online*, имеет крупных бизнесменов среди совета директоров и проч. Другой пример — во многом схожая с *Hillsong* сингапурская мега-церковь.

Коммерциализация церквей и их лидеров иногда сопровождается непрозрачностью их финансовой деятельности и приводит к судебным искам. Таким образом, «слияние с рынком» не всегда происходит бесследно для морального авторитета церкви, но при этом является социальным фактом и примером включенности религии в жизнь современного города.

Ангус Пэдиссон в своей статье предостерегает от того, чтобы провозглашать эпоху постсекуляризма и радоваться активному взаимодействию государства с религиозными организациями. По его мнению, это взаимодействие все еще определяется логикой секуляризма: религия — частное дело, а общественная сфера находится в ведении политики и гражданского общества. Поэтому религиозный дискурс, чтобы быть услышанным в общественном пространстве, должен быть «переведен» на секулярный язык. Религия допускается в публичную сферу лишь в определенных формах, в противном случае она неизбежно наталкивается на регулятивные барьеры. Церкви приходится приспосабливаться к универсальным понятиям и ценностям гражданского общества и государства — вместо того, чтобы самой определять их значение. В этом заключается опасность для самой церкви, поскольку, если она встраивается в логику секуляризма, это неизбежно приводит к ее трансформации. Согласно «секулярной» логике, религия есть набор частных убеждений и обладает лишь инструментальной ценностью. Напротив, для христианина ценности обретают смысл лишь в свете Евангелия и церковной жизни, а социальная активность неразрывно связана с религиозными практиками, в том числе с молитвой, богослужением и чтением Св. Писания. Автор считает, что религия не является лишь частным делом, поскольку ее интересуют и общественные вопросы, также имеющие отношение к религиозной вере. Он утверждает, что религиозные акты — молитва, Евхаристия и проч. — являются политическими актами и что главная задача церкви состоит в том, чтобы «быть верной», и лишь затем — эффективной.

В других статьях сборника также представлены интересные взгляды на религиозное присутствие в современном городе. Так, Джон Ид утверждает, что феномен постсекулярного следует изучать в длительной исторической ретроспективе (не толь-

ко в период после Второй мировой войны) и описывает религиозную ситуацию и религиозный плюрализм в Англии в XIX–XX вв. Некоторые авторы отмечают, что, несмотря на процесс секуляризации, религия все равно присутствовала в общественной жизни западных обществ, хотя и была исключена из «официальной повестки». Многие авторы останавливаются на проблемах, которые возникают при взаимодействии государства с религиозными организациями, когда последние, помимо социальной деятельности, пытаются заниматься прозелитизмом.

В целом рассматриваемый сборник не претендует на то, чтобы представлять единый взгляд на присутствие религии в современных обществах и городских пространствах, равно как и не предлагает ответа на вопрос о целесообразности использования термина «постсекулярный». Однако ценность книги состоит в том, что собранные в ней статьи способствуют формированию исследовательского поля, в рамках которого возможно дальнейшее изучение затрагиваемых авторами вопросов.

И. Гулаков

Schönpflug, Daniel and Wessel, Martin Schulze (eds) (2012) *Redefining the Sacred. Religion in the French and Russian Revolutions*. Berlin: Peter Lang. — 226 p.

Религия и революция — сложная, богатая и яркая тема; а если позволить себе выйти за рамки нейтрального академизма — драматическая и зловещая. Она привлекала и будет привлекать к себе интерес самого разного свойства. Идеологи и политики могут возводить бесчисленное количество мифологических конструкций; философы — создавать объяснительные схемы; журналисты — давать этим идеям популярные интерпретации.

Но есть и опыт историков, и один из них — перед нами. Данная книга — попытка обозначить прогресс в изучении двух великих революций, сравнение которых напрашивается само собой, — Французской и Русской, — а именно те изменения в осмыслении связки «религия-революция», которые произошли за последние десятилетия. Речь идет о переосмыслении, которое началось, применительно к Французской революции, в 1970-е гг., а применительно к Русской — в 1990-е. И хотя есть разрыв в двадцать лет, направление аналитических и интерпретационных сдвигов — схожее. В чем же состоят эти сдвиги?